

Евгений Поздняков

ЗАПИСКИ НА ПОЛЯХ ТЕТРАДИ

Рассказы

КРАСКИ

— Макс, тебе плохо?

— Нет... Конечно, нет. С чего ты взяла, мам?

— Даже не знаю! Посмотришь в зеркало — ты позеленел.

Он испуганно опустил голову. Слегка дрожащие ладони приобрели болотный оттенок, отдаленно напоминающий цвет кожи огромных жаб. В его голове крутилось столько мыслей, что мальчик попросту не успевал следить за эмоциями! Нахлынула волна страха. На кончиках пальцев медленно проявлялись крохотные фиолетовые пятна.

— В чем дело, Макс? — Продолжала мама. — Голова болит? Живот? Опять наелся всякой гадости в «Макдональдсе»?

Кажется, она ни о чем не догадывается... Пока. Тела людей зеленеют только в трех случаях: во время болезненных ощущений, из-за чувства отвращения и... При наличии неприятных мыслей. С возрастом это учатся скрывать, но он был всего лишь подростком, поэтому стоило ему вспомнить

школьных задир или... Или тщетные попытки заговорить с отличницей Машей, его тело тут же приобретало неприятный оттенок. Рассказывать о проблемах родителям Макс отчего-то боялся.

Ладони налились фиолетовым цветом.

— Макс, хватит молчать! — Прикрикнула мама. Из-за злости ее кожа должна была стать розовато-красной, но она уже несколько лет работала в банке, а потому научилась придерживаться одной цветовой гаммы — серой. — Отвечай — у тебя что-то болит?

— Нет, мам. — Фиолетовый коварно подбирался к локтям. — Честно, мам. Ничего.

— Может, не пойдешь в школу? Ты мне не нравишься.

Шум в ванной прекратился. Почистив зубы, отец вернулся в кухню, к семье. Его кожа ничем не отличалась от материнской.

— Отстань от ребенка, Алина. — Зевнул он. — Пускай хоть дома не сдерживается.

Отец потянулся за газетой. На секунду Макс показалось, что неловкий разговор окончен, от чего его тело стало понемногу сереть.

— Брось, Кирилл. — Ответила она, вытирая посуду. — Ему все равно, где и перед кем менять цвета!

— Это нормально для подростков...

— Нет! Ненормально! Он в шестом классе!

Все его сверстники уже научились поддерживать серость, а наш... То позеленеет, то станет фиолетовым... Не хватало еще покраснеть от любви на людях!

— Хватит! — Отец ударил кулаком по столу. Максу даже показалось, что его кожа, в районе запястья, слегка почернела. — Перестань!

Мама отвернулась к стене. Обычно, она справлялась с грязными тарелками моментально, однако сейчас из ее рук почему-то долго не могло вырваться старое голубое блюдо.

— Уже восемь часов. — Спросила она, не смотря на отца. — Ты успеешь отвезти его на занятия?

— Конечно. Рабочий день начинается в девять, так что все будет окей. Кстати, ты читала статью...

— Вы опаздываете.

— Разве? Тут же десять минут езды...

— Все равно. Опаздываете.

Они стояли друг напротив друга. Молча. Абсолютно серые. Ни капли бирюзового или синего... Серые. Абсолютно.

— Действительно, опаздываем. — Отец демонстративно посмотрел на часы. — Одевайся, Макс. Я подожду в машине.

Дверь захлопнулась. Мама продолжала стоять лицом к стене. Спрыгнув со стула, мальчик

подошел к вешалке. Протянув руку за курткой, он заметил, как на ладонях выскакивают зеленые пятна. Почему родители так часто ссорятся? Чего они добиваются? И почему они постоянно ругаются... Из-за его кожи?

— Макс! — Окрикнула его мама.

— Что?

— У тебя точно ничего не болит?

— Все хорошо, мам. Честно.

Прикрыв дверь, Макс выбежал на улицу. Стояла чудесная ране-октябрьская погода: солнечные лучи нежно касались серого лица, а прохладный ветер заботливо ласкал пожелтевшую листву. Добежав до машины, мальчик случайно увидел свое отражение в лобовом стекле: его щеки наливались приятным золотистым оттенком.

— Хватит любоваться собой. — Проворчал отец. — Залезай скорее.

Школа располагалась неподалеку от их дома — в десяти минутах езды. Дорога на занятия, по мнению Макса, была лучшей частью дня: он с любопытством рассматривал мир по ту сторону стекла, надеясь разглядеть хоть нескольких людей с румяными щеками. Ему ужасно хотелось найти товарищей по несчастью, ведь порой, мальчишке казалось, будто бы обидное прозвище «Радуга» привязалось только к нему. Увы, на глаза попадались бесконечные серые лица...

— Макс, — отвлек его отец, — ты читал статью...

— Пап, я не читаю твоих газет. Как и мама.

— Да, точно. Забыл. В любом случае, думаю, тебе будет интересно услышать последние новости.

— У нас построят аквапарк? — Радостно спросил золотощекий мальчуган.

— Нет. Все куда серьезнее: наш мэр прилюдно побагровел.

За окном промелькнул детский сад. Когда-то Макс был его воспитанником. Интересно, здесь до сих пор наказывают за излишнюю «цветастость»?

— Это плохо, пап?

— Конечно. Особенно, учитывая обстоятельства, при которых все произошло.

— Что случилось?

— Ничего особенного: он решил провести встречу с обычными жителями города, на которой ему задали неудобный вопрос. Про коррупцию...

— Коррупцию?

— Ох, прости. Все время забываю, что ты еще ребенок. Его спросили о том, ворует ли он деньги, после чего мэр побагровел. Не смог скрыть волнения. Понимаешь, к чему я веду?

— Нет...

— Господи, Макс! Я, конечно, не поддерживаю то, что мама срывается на тебя, но... Она ведь права. Нужно учиться сдерживать

эмоции! Знаешь, сколько проблем у мэра после этой встречи? Куча! Его даже хотят отстранить от должности раньше срока! В нашем мире нужно оставаться серым при любых обстоятельствах, пойми! Это ненормально, когда все видят твой страх или неуверенность...

Остаток пути они провели молча. Наконец за окном показалось здание школы. Сотни детей толпились у порога, ожидая открытия дверей.

— Пойми, Макс, — прервал тишину отец, — мы... Я говорю это не потому что плохо к тебе отношусь, наоборот — я люблю тебя! А вся эта ерунда с кожей... В нашем мире так нельзя, Макс. Это плохо. Очень плохо.

— Я понимаю, пап. — Его ладони приобрели розоватый оттенок.

— Тебе нечего стыдиться. Просто пообещай, что будешь стараться сдерживаться.

— Обещаю, пап.

— Хорошо. А теперь беги на уроки.

Не расслышав отцовское: «Удачи!», Макс вошел в длинный школьный коридор. Стараясь скрыть появление зеленых пятен на руках, он рванул к 426 аудитории. Он дико стеснялся своих одноклассников, от чего при встрече с ними, в его голове всплывали неприятные воспоминания о насмешках и дурацких прозвищах, которые ему не давали только самые ленивые.

— Почему ты сегодня не фиолетовый? —
Спросил серокожий сосед по парте.

— Не знаю. — Пробурчал Макс. —
Настроение не то.

Прозвучал звонок. В класс вошла строгая учительница математики Анастасия Сергеевна, чье лицо, казалось, никогда не знало широкой палитры цветов. Дети, отбросив все лишние разговоры, резко встали со своих мест. Пренебрежительно махнув рукой, преподавательница принялась писать тему урока на старинной черной доске.

— Извините, — раздался скромный голос, —
можно войти?

— Мария, заходите быстрее! И впредь не
опаздывайте!

В класс вошла серокожая отличница Маша. Аккуратно разложив вещи на парте, она начала конспектировать каждое слово Анастасии Сергеевны в тетрадь.

Маша... Это из-за нее все утро кожа Макса держала зеленый цвет. Маша давно нравилась ему. Еще со второго класса, когда ее родители переехали в этот отдаленный город. В детстве, наблюдая за ней, его тело приобретало золотой цвет. «От радости!» — оправдывался он перед мальчишками. Однако теперь он испытывал совершенно другие чувства... Какие-то... Излишне взрослые? Несколько недель назад ему неожиданно

захотелось, чтобы Маша перестала общаться с надоедливой Вовой, а недавно, в столовой, он совершенно случайно понял, что ее губы имеют особенную... Привлекательность. Все это заставляло его не сводить глаз с милой серокожей девчонки. Однако он не переставал думать о том, что стоит ему дать слабину, как все в классе узнают его страшную тайну...

— Радуга! — Испуганно прошептал сосед по парте. — Твои ладони... Они становятся красными...

Макс с ужасом посмотрел на свои руки. Они были искристо-рубинового цвета, как у всех... Влюбленных! Нужно срочно перестать смотреть на нее! Отвлечься! Подумать о чем-то плохом, о чем-то отвратительном... Но как? Он ведь несколько дней планировал этот час... Клеил дурацкую валентинку! Придумывал признание! И сейчас, когда все необходимое лежит в его портфеле... Как можно думать о чем-либо другом?

— Ты совсем сдурел? — Продолжал сосед. — Твоя шея! Она...

— Я знаю! Знаю!

Макс тщетно пытался растянуть рубашку, прикрыть лицо ладонями, но... Красный цвет был сильнее. Чувства были сильнее! Остался единственный выход! Рисковый, но все же...

— Анастасия Сергеевна! Можно выйти!

— Максим, эта тема крайне важна. — Учительница отвернулась от доски. — Дай мне закончить. Что с твоей кожей? Почему она... Такая красная?

Все дети посмотрели на Макса. Под дружный смех ребят, он прикрыл лицо небольшим портфелем.

— Ты... Ты позволяешь себе проявлять чувства на уроке? — Закричала Анастасия Сергеевна. — Ты должен быть серым! Это цвет вовлеченности в современную жизнь, а ты... Ты смеешь краснеть! Мало того, что отвлекаешься сам, так вдобавок ты отвлекаешь и своих одноклассников!

— Простите, я...

— Что ты? Что ты? Признавайся, на кого ты смотрел!

— На Машу, Анастасия Сергеевна! — Ответил сосед по парте. — Он давно к ней что-то... Испытывает.

— Возмутительно! Ты хочешь, чтобы она тоже перестала контролировать себя? Как ты посмел вводить отличницу в такое неловкое положение? Да как тебе такое в голову могло прийти!

— Я... Я не хотел...

— Максим, ты перешел все границы! Сколько раз на моих уроках ты зеленел или становился

фиолетовым? Тысячи! А когда выпал первый снег... Ты стал золотым! От радости! Это нужно прекращать. Для таких, как ты есть отдельные школы. Я звоню твоим родителям. Пускай срываются с работы и говорят с директором о своем нерадивом чаде прямо сейчас.

Остаток урока прошел скомкано: никто не следил за тем, как Анастасия Сергеевна пишет на доске уравнения. Всем было куда интереснее наблюдать за алой кожей Максима. Маша, смущенная ситуацией, хоть и сдерживалась из-за всех сил, чтобы не засмущаться, все равно слегка побагровела. Учительница написала ей замечание в дневник. За слабость.

Родители добрались до школы крайне быстро: уже через полчаса они стояли у дверей кабинета директора. Мать угрюмо ворчала, называя Максима позором семьи, а отец, печально вздыхая, неустанно повторял:

— Макс, я же просил...

Максима попросили подождать снаружи. Присев на скамейку, он принялся рассматривать бесконечный поток школьников, спешащих в столовую на перемене. Все серые. Абсолютно серые. Даже Маша, которая неожиданно появилась из-за угла. Сжимая в руке дневник, она еле сдерживала слезы. Это было ее первое замечание в жизни. Посмотрев в сторону кабинета директора,

отличница заметила Макса, от чего его кожа снова загорелась алым цветом.

Не отрывая глаз от обидчика, Маша продолжала стоять на месте. Неожиданно, Максим заметил, что ее тело приобретает болезненно-зеленый оттенок. Ее кожа покрывалась яркими болотными пятнами, чего раньше никогда не случалось. Макс помнил: тела людей зеленеют в нескольких случаях: из-за боли, неприятных воспоминаний или... Из-за отвращения. Отвращения к нему. К Максy.

Сложившаяся ситуация заставила его на минуту возненавидеть всех и за все: кожа Макса медленно наполнялась черным цветом, вытесняя собой все неловкости алых тонов. Прозвучал звонок. Маша побежала на урок. Ненависть сменилась безразличием. Черный сменился серым.

Из кабинета вышли родители.

— Пойдем домой, Макс. — Отец похлопал его по плечу. — На сегодня учебы хватит.

В машине Максим ни разу не поменял цвета. Его не радовала солнечная погода, он не переживал по поводу сложившейся ситуации, он не опасался скорого наказания... Всю дорогу он оставался серым.

С этого дня кожа Макса не меняла цвета.

Отношения в семье наладились.

МАРИЯ

— Дитя мое, — донесся голос из трубки домофона, — будь так любезна, открой, пожалуйста, дверь. Жильцы первого этажа мне уже отказали, а я ведь всего лишь хочу погреться...

— Мы знакомы?

— Возможно, хотя... Я слышу недоверие в твоём голосе. Я не хочу тебя мучить, поэтому знай: если со мной что-либо случится, я прощаю тебя... Я прощаю вас всех!

Тишина. Незнакомец прекратил разговор. Растерянная Мария, крепко сжимая трубку, продолжала стоять у дверей. Отчего-то на душе было беспокойно.

«Бомжи ведь так не говорят!» — рассуждала она, — «Слишком вежлив, слишком учтив... Кто это?»

За окном раздавалось злобное рычание ветра. Мороз угрюмо скрежетал когтями по окнам, оставляя на стекле пугающие узоры, а снег, спускающийся на землю неприступной стеной, превращал двор в нечто запутанное и неразборчивое. Бушевал декабрь и, видит Бог, начало зимы не оставляло шансов бедолагам, застрывшим на улице ночью...

Накинув на плечи кофту, девушка выбежала из квартиры и, молниеносно преодолев несколько

лестничных пролетов, открыла двери злополучного подъезда. Отойдя в сторону, она пригласила незнакомца войти. Перед ней стоял худощавый мужчина лет сорока. Одетый в разодранную куртку и едва ли теплые джинсы, он молча смотрел на свою спасительницу. С его лица не сходила улыбка. Она была какой-то особенной: одновременно печальной и радостной, отчасти осуждающей и всепрощающей...

— Спасибо, дитя. — Произнес он. — Как бы это смешно не звучало, но я обязан тебе... Жизнью.

— Вы вообще в своем уме? — Воскликнула Мария. — Разгуливать в таком виде по морозу! Вы же явно не бездомный, судя по Вашей речи! Что случилось? Вас ограбили? Вызвать полицию?

— Нет, нет, дитя. Не нужно никого вызывать. Я просто хочу переждать в Вашем подъезде ночь.

— Вы уверены? — Не унималась девушка. — С Вами точно все в порядке? Врача, может быть?

— Все хорошо, милая. Оставь меня одного и ложись спать. Тебе завтра рано вставать и много работать...

Мария была крайне поражена ответом незнакомца. Мужчина говорил медленно и размеренно, так, будто бы это не она вызволила его из ледяного плена, а он, ничего не требуя взамен, протянул ей руку помощи.

— Да... Вы правы. — Ответила она и тут же

поспешно прибавила. — Я бы впустила Вас к себе, но муж в командировке... Что соседи подумают?

— Я все понимаю. Ложись спать, милая. Ты уже помогла мне. Спасибо.

Не в силах что-либо ответить, Мария молча кивнула и, сопровождаемая взглядом незнакомца, поднялась наверх, в свою квартиру. Раздевшись, она подошла к кровати. Часы показывали полночь. В это время девушка, обычно, спала. Нарушать устоявшийся график не хотелось, однако она отчего-то почувствовала неопределимый страх за судьбу таинственного мужчины. Войдя на кухню, Мария внимательно осмотрела содержимое холодильника. Кастрюля борща, тарелка пельменей... На днях должен вернуться муж из командировки. Поделиться неприкосновенным запасом?

— Вы будете есть? — Она вышла в подъезд. — Поднимайтесь скорее. Я уже разогрела тарелку борща.

— Спасибо, дитя. Но я не голоден...

— Это не обсуждается. — Перебила его Мария. — Поднимайтесь.

Ветер усиливался. Разглядеть за окном что-либо кроме белоснежной пучины уже не представлялось возможным. «Хорошо, что я его впустила» — подумала Мария, — «в такую погоду бродить по улице не лучшая идея...». Тем

временем незнакомец, шаркая ногами, изучал квартиру милосердной девушки: он с интересом рассматривал книжные полки, фарфоровые статуэтки на тумбе, и даже, недавно поклеенные обои.

— Снимайте куртку. Тут жарко. Упаритесь.

— Нет, дитя. — Ответил он. — Под ней ничего нет... Нагота...

Протянув незнакомцу старую футболку мужа (она никак не могла выбросить ее уже около месяца), Мария пригласила его к столу. Поблагодарив хозяйку, он без удовольствия принялся за огромную тарелку борща. Таинственный гость ел совершенно отречено. Его движения ложкой напоминали некие жесты одолжения, исполняемые им из нежелания обидеть радушную девушку. Это был явно не простой человек. Из него сочилось нечто неопишимо доброе и привлекательное. Своим взглядом он внушал спокойствие и умиротворение, что пугало Марию, обыкновенную жительницу такой недоверчивой и израненной эпохи. Видит Бог, она бы никогда не впустила незнакомца в свою квартиру, и никогда бы не предложила ему, пускай и старую, футболку своего мужа. Но этот мужчина... Отчего-то его голос внушал доверие. Наблюдая за тем, как он ест, Мария корила себя за столь глупый поступок, однако стоило их глазам

встретиться вновь, волнение пропадало, уступая место непреодолимому желанию помочь таинственному гостю.

— Кто вы? — Спросила девушка. — Как ваше имя?

— Боюсь, правда Вас испугает, а лгать я не намерен...

— Не лукавьте. Скажите, как есть на самом деле.

— Дитя, — улыбнулся он, — я — Бог.

Ответ незнакомца ошарашил Марию. Как можно так глупо шутить с человеком, который впустил тебя к себе в дом? Как можно нести такую чушь перед своим, ни много ни мало, спасителем? Выходит, что все эти странные обращения, словесные обороты... Не более чем часть дурацкого розыгрыша?

— Это не смешно. — Упрекнула его девушка.

— Знаю. — Ответил он. — Но и негрустно.

— И что же Бог забыл, — девушка презрительно фыркнула, — в Хабаровске?

— Не говори так, дитя. Чем Хабаровск хуже Парижа? Такие же люди, так же работают, так же ждут мужа из командировки...

«Сумасшедший!» — подумала Мария, — «Я впустила в дом сумасшедшего!». Ее охватила дрожь. Что делать она не знала: сейчас он представляется Богом, а через несколько минут

возомнит себя Наполеоном, или того хуже, серийным убийцей. От таких людей можно ожидать всего! Несмело потянувшись за телефоном, она попыталась найти номер психиатрии в интернете, но... Мобильный не ловил сеть. Видимо, из-за бурана пропала связь. Может быть, стоит попробовать постучаться к соседям? Напротив снимает квартиру рослый парень, студент... Наверняка он поможет ей, но... Не заподозрит ли неладное незнакомец? Не набросится ли на нее, когда она повернется спиной? Решено: нужно попытаться сохранять самообладание. По мере возможностей. «Бог» вроде бы ведет себя крайне спокойно. Сейчас он доест, а потом... Потом она намекнет ему на то, что хорошо было бы покинуть ее квартиру. Точно!

Расправившись с едой, «Бог» пододвинул к себе чашку горячего чая. Он долго рассматривал желтую коробочку с надписью «Lipton», а затем, улыбнувшись, посмотрел на Марию. Теперь его взгляд не казался таким успокаивающим. Он настораживал и даже пугал.

— Из чайных листьев, дитя, можно делать куда более удивительные вещи, — произнес «Бог», — при правильной обработке из них получится лекарство ото всех болезней...

— Тогда, — фальшиво улыбнулась Мария, — почему люди... До сих пор гибнут?

— Не знаю. Наверное, потому, что вам нравится пить чай в пакетиках. И, — он ткнул пальцем в сотовый телефон, — создавать другие бесполезные вещи.

Метель за окном продолжала бушевать. Завывания ветра не на шутку пугали Марию, однако «Бог» совершенно не обращал на них внимания. С гораздо большим интересом он продолжал рассматривать пачку чая.

— Интересное дело, — продолжил он, — сегодня утром я почувствовал, как под моими ногами расходятся облака. Дитя, это так удивительно лететь вниз, ощущая, как силы покидают тебя. С небес падал Бог, а приземлился... Обыкновенный человек.

— Как же это произошло? — Мария продолжала подыгрывать сумасшедшему.

— Не знаю. — Улыбнулся мужчина. — Я теперь не всевидящий, дитя. У меня есть догадка, и она неразрывно связана с тобой...

— Как? Что я...

— Не бойся, дитя. Что бы ни случилось, я простил тебя, милая... Как и всех вас...

Отодвинув чашку чая, «Бог» подошел к окну. Он задумчиво смотрел вдаль, пытаясь разглядеть хоть что-то, спрятанное за снежной стеной. Отчаявшись, он облокотился о подоконник и, рассмеявшись, сказал:

— В твоей квартире нет икон. Нет их и в соседней квартире. Вы выросли, дети мои, и нет вашей вины в том, что я вам больше не нужен. Я, как любой отец, перестал понимать вас. Почему вы пьете напиток из чайных листьев? Я создал это растение как лекарство от всего... Но вы пошли своим путем. Антибиотики, таблетки... Замена отрезанной руки на железную! Мне бы никогда не пришло подобное в голову... Телевизор, телефон... Я ничего не знаю об этих вещах кроме их названий... Вы выросли, дети мои. Я ничего не понимаю в созданном вами мире. И это... Чудесно!

Опустошив чашку чая, он пробормотал: «И все-таки вкусно!», а затем, сняв футболку и накинув куртку на плечи, подошел к входной двери.

— Прости за то, что вмешался в твою жизнь, дитя. Так или иначе, я закончил с трапезой, и я благодарен тебе за то, что она состоялась.

— Я бы разрешила Вам остаться, — сказала Мария, — но муж... Что соседи подумают...

— Я уже сказал, что прощаю тебя, милая. Не ты выгоняешь меня, а я сам покидаю твое жилище, дитя. Будь счастлива.

Дверь захлопнулась. Он ушел. Посмотрев на часы, девушка поспешила в спальню, надеясь на то, что ей удастся отдохнуть хоть несколько часов. Ей ужасно хотелось выйти в подъезд и посмотреть, все

ли в порядке с сумасшедшим, но страх отчего-то полностью поглотил ее. Укрывшись одеялом, она слышала, как за стеной кто-то ругается, но отгоняла дурные мысли. В глубине души Мария понимала, что это соседи пытаются прогнать его с лестничной клетки, приняв за бездомного, но ей было так легко думать о том, что это всего лишь разборки супружеской пары в соседней квартире, решившей выяснить отношения поздно ночью. Долго ворочаясь, девушка наконец-то уснула, а утром, по пути на работу, она заметила в сугробе до боли знакомую куртку. Подойдя поближе, Мария увидела безжизненное тело вчерашнего гостя. Его взгляд был направлен в небо, а в глазах, как ей показалось, мелькали тысячи звезд и вселенных. Еле сдерживая слезы, она поспешила на автобус восьмого маршрута. Посмотрев на злополучный сугроб из окна, она, к своему удивлению обнаружила, что тело исчезло.

Автобус продолжал ехать, люди продолжали пить чай, жизнь в России продолжала кипеть, будто бы не замечая, что в Хабаровском дворике, за гаражами умер сам Бог...

КОЛЬКА

Колька был первым парнем на деревне: красивый, рослый, широкоплечий. Как выйдет в

поле работать, так все девчонки вокруг забора собираются — смотрят. Изредка остановится, пот со лба смахнет, а наблюдательницы ему: «Не устал, Коленька? Может, тебе воды принести?». Он голос их тонкий услышит, повернется к красавицам, улыбнется широко, во весь рот, и отвечает: «Мне, девоньки, пить не хочется! Лучше бумагу и ручку принесите! Рифма рождается!».

У них в деревне, в Клюевке, присказка ходила: «Хилый — умный, сильный — глупый». Но, честности ради, стоит отметить: на Кольке это правило сбой дало: по утрам он в поле за троих работал, а вечерами поздними, когда уже Солнце за горизонт садилось, в беседке стихи читал. И не чьи-то, а свои — собственные! Встанет перед людьми, за сердце схватится, и давай им про жизнь крестьянскую рассказывать! То ямбом про жару надоедливую, то хореем про мух назойливых... Паузу сделает. Присмотрится — публике-то нравится! Значит, нужный тон задал! С радости за гармошку схватится, стул пододвинет поближе и поет до полуночи частушки. Мужики порой сдержаться не могут — сумки на лавочках оставят и пускаются в пляс. Жены их взглядом непонимающим окинут, покричат для приличия немного, а потом сами танцевать начинают, будто бы и не старели вовсе.

— Ты, Колька, молодец! — Говорит ему

бабушка после выступления. — Поэт настоящий!

— Ну, что вы, Зоя Федоровна! — Отмахивается он. — Поэты там, в столице! А я так... Полевой работник!

Кольку в деревне все знали: люди его любили, а детишки стихотворения наизусть заучивали. Сядут иной раз мужики пиво пить да начинают обсуждать всякое: сначала скажут, что бабы в деревне совсем обнаглели, затем про рыбалку и охоту часами болтать могут, а под конец, когда другие темы себя исчерпают, начинают Колькино творчество обсасывать. Разбирают каждое четверостишие подробно, с Есениным сравнивают, с Пушкиным... Головой кивают — признают: талант есть! И вот тут, самый подвыпивший встанет, кружкой по столу стукнет и как гаркнет:

— Колька! Тебе в Москву надо! Гений пропадает!

Он на них посмотрит так по-доброму, так по-детски. Улыбнется как девкам в поле и ответит:

— Эх... Скажете тоже! На кого я вас оставлю, родные?

На прощание им рукой помашет, направится домой перед рабочим днем отсыпаться, а в голову мысли тревожные лезут. Что если шанс свой упускает? Что если действительно стихотворения его ценность имеют?

— Ты, Колька, давай решайся скорее. —

Сказал ему глава администрации. — Мы все, что от нас зависит, сделаем. Главное, чтобы ты к переезду был готов.

Нелегко ему это решение далось. Трудно было дом родной покидать. Пока со всеми прощался, уже и уезжать раздумал. Стоит перед машиной грустный, гармошку расчехлил, играть начинает. Люди слушают, слезы вытирают. Колька в последний раз украдкой деревню оглядывает. Посмотрит на поле — вспомнит, как с девками стихи писал, повернется в сторону беседки — мысли хорошие в голове появляются. Много всего здесь происходило. Жалко, поэтов московских сюда не затащишь. Авань, и переезжать никуда бы не пришлось! Заканчивает Колька песню последнюю, мужикам ладони морщинистые пожимает, девчонок в щеки целует. Садится в машину. Поехал.

Дорога длинной оказалась. Часов десять заняла, не меньше! Наконец, добрались.

Выходит Колька на улицу, воздух полной грудью вдыхает... Не то. Грязь чувствуется, смог. Что поделать? Столица! Протягивает руку водителю. Тот смотрит на него изумленно, думает: «Неужели деньги назад просит?». А Колька улыбается. Видно, у них тут в Москве такого не принято! «Ладно,» — говорит, — «спасибо, что подбросил! До встречи!».

Остановиться столичный гость решил у старого друга Сереги. Он года четыре назад из Ключевки сюда переехал. С тех пор они общались мало, конечно. Только на новый год и на день рождения. Колька рукой дрожащей номер его наберет, гудки слушает, думает: что говорить-то нужно? Просто удачи пожелать как-то не по-товарищески, а расспрашивать про жизнь новую... Да не хочется человека отвлекать! Так и проговорили несколько лет: «С праздником!» — «С праздником!». А теперь вот, наконец, шанс выпал — общение наладить! Стоит Колька у дверей Серегиных, стесняется. Наконец стучится. Шаги слышит.

— Кто? — Спрашивает голос знакомый.

— Серега! Открывай! Это я, Колька! Друг твой из Ключевки! Приехал погостить у тебя месяцок!

— Во-первых, не Серега, а Сергей Витальевич. Во-вторых, Николай, о таких вещах заранее предупреждать нужно.

— Ну, я сюрприз хотел сделать.

— Ладно уж. Кам ин, плиз.

Изменился Серега до неузнаваемости. Большим человеком стал! Колька ему даже завидовал слегка. Не каждому дано английский выучить! А тем более менеджером в офисе работать! Правда, про деревню он, похоже, совсем

забыл. Раньше чуть только частушки услышит, сразу в пляс пускался, а теперь поди попробуй гармошку у него на глазах достать. Тут же начнется: «Уберите! Итс воркинг тайм!». Но Колька на него не обижался, наоборот, друга поддерживал. Серега отчеты составляет, а гость Клюевский на кухне посуду моет. Так и жили они на взаимовыгодных условиях.

Однажды Колька по центру города гулял. Видит, на столбе объявление висит. Яркое, пестрое. Читает: «27 декабря в 17:00 состоится творческий вечер поэтического общества «Фиолетовая лампа». Приглашаются все желающие». Вот так удача! Это же сегодня! И проходит мероприятие неподалеку! Срочно за гармошкой!

Забегает в квартиру. Носится по комнатам. Инструмент найти не может.

— Николай, проходите на кухню! — Раздался тихий голос. — Я тут блэк ти заварил... Дринкать будете?

— Некогда мне, Сергей Витальевич, чай гонять! Лучше подскажите, куда вы мою гармошку убрали!

Нашлась родная. Ее Серега в шкаф убрал. Но ничего! Ему позволительно. На часах уже 16:30. Нужно спешить. Побежал Колька со всех ног, даже куртку дома оставил. Возвращаться нельзя — опоздает. Мимо людей проносится, как

сумасшедший. Заденет слегка кого-нибудь — остановится, извинится. Слава Богу, идти недалеко! А то бы все пропустил! И вот врывается он в клуб поэтический. Все на него глядят изумленно, так будто бы знаменитость увидели. А Колька, как ни в чем не бывало, улыбается им и спрашивает:

— Тут «Фиолетовая лампа» собирается?

— Ну... Да. — Ошарашенно отвечает мужчина. — А вы, собственно, что хотели?

— Я стихи почитать думал! Если можно!

— Понимаете, у нас как бы... Все спланировано... Не проходной двор.

— Да я много времени не займу! Минут пять от силы!

— Что ж... Ладно. Все-таки мы открытое общество. Проходите на сцену, молодой человек.

И вот встает Колька перед ними. Смотрит. Совсем не деревенская публика! Все в костюмах сидят, в очках. Важные. Сигареты курят, на часы поглядывают так, будто спешат куда-то. Видно, люди серьезные. Не привык он таким стихотворения читать. Страшно. Деваться некуда! Пора начинать. Хватается за грудь по привычке и давай им про жизнь крестьянскую рассказывать. Им, с часами швейцарскими, про то, как на свиньях катался, им, с прическами странными, про девок деревенских. Вдруг, слышит — смеются. Над чем спрашивается? Останавливается. Люди встают.

Аплодируют, «Браво!» — кричат.

— Порадовали, порадовали! — Подходит к нему мужчина. — Имя-то ваше как?

— Колька...

— Колька? Колька! А родом откуда?

— Деревня Ключевка.

— Деревня... Ну надо же! Ты просто находка!

— Спасибо, конечно... Но над чем вы смеялись?

— Колька! Какая разница! У искусства цель какая? Чувства вызывать! Радость — это чувство? Чувство! Считай, с задачей ты на отлично справляешься! Мы тут каждую неделю собираемся! Будем тебя ждать! Давай, приходи к нам с новыми... Творениями!

Люди столичные странные... Он им душу открывает, а они смеются. Может, у них так принято? В конце концов, стихотворения им-то понравились. Не зря же его на следующие вечера позвали! Хотя со временем Колька с их реакцией свыкся. Ему даже понравилось, что его творчество людей радовать заставляет. У них у всех произведения грустные: то про смерть, то про власть нехорошую... Под такое только в гроб ложиться, ей Богу! То ли дело, когда он на сцену поднимается. Наденет кепку с цветком ярко-красным, гармошку достанет и начинает петь про жизнь крестьянскую... А люди смеются,

смеются, смеются...

Однажды Колька решил им новое стихотворение прочитать. Автобиографичное: про то, как он в детстве у соседа яблоки воровал. Публика как всегда — хохочет, только в этот раз как-то по-особенному. Громко очень и долго. Никак остановиться не могут. И тут гостя клюевского будто бы осенило: смех у них не такой, как у мужиков в деревне. Он какой-то противный, озлобленный, надменный. Смотрит он на их рожи прилизанные и ничего, кроме презрения в них не находит. Они же его и за человека-то не считают. Расселись в креслах, как бояре, и ждут, пока их парень деревенский развеселит. Думают, наверное, что в стране лучше их не сыщешь, что они тут центр планеты. Как бы не так...

— А сейчас мне бы хотелось про государство российское кое-что прочитать!

— Может, не надо, Колька! — Сквозь смех говорит толстоватый мужчина. — Давай ты нам лучше про свиней лишней раз расскажешь.

— Я вам, товарищ, не Колька! Я Николай Ямковой!

— А что это ты так говоришь со мной?

— А как с вами еще говорить! Сидите здесь, животы развесив, ничего кроме Москвы не видите! Думаете, я тут ерунду говорю? Думаете, так в России никто не живет, как в стихах моих?

Ошибаетесь! Это в ваших «творениях» неправда написана! Рассуждаете о высоком: кто прав, кто нет! На власть пеняете... Тьфу! Разве это народ российский заботит? Человек русский о полях думает, о семье, да о вещах простых... Не верите? Ну, и не надо! А я, знаете, что вам скажу? Москва — она одна такая. А моих Клюевок — тысячи! И что, собственно, тогда Россией называть нужно?

— Николай! Мне кажется, вам нужно уйти!

— Я-то уйду! Да только Россия от вас со мной уйдет! А вы с чем останетесь? С вопросами философскими? Эх, буржуи!

Колька с тех пор на творческие вечера не ходил. Да и стихотворения писать бросил. Не его это! Серега помог работу найти, а через несколько месяцев клюевский гость уже свою собственную квартиру обживал. Между прочим, на курсы английского языка записался. Уже и спикает неплохо! По деревне скучает. Иной раз достанет гармошку, у окна сядет, и давай частушки про жизнь крестьянскую вспоминать... Соседи ругаются, по батареям стучат, иногда в двери ломаются. Но, зато, говорят уважительно! Над Колькой теперь москвичи не смеялись. И правильно! Попробуй, подшути над его деревенским прошлым — весь вечер будешь про настоящую Россию слушать...

ПЕРЕЕЗД

Пожалуй, самая трудная часть переезда — последние полчаса в старом доме. Ты мечешься по комнатам, пытаешься понять: все ли положил в разрывающуюся от вещей сумку или подобно ребенку, замороженно осматриваешь каждый угол, трепетно вспоминая старые добрые дни. Вот и сейчас юная журналистка Арма Геддон тоскливо прощалась с местом своего детства. Ее хрупкие пальцы нежно касались стен здания, а в голове неустанно крутился лишь один вопрос: «Неужели завтра я буду в столице?».

Молодые люди не любят провинциальный дух. Признаться, многие готовы отдать последние деньги, лишь бы забыть о недалеком прошлом деревенского жителя. Арма не была исключением. Всю сознательную жизнь она провела в ожидании переезда. Получив образование в этом никому не нужном городке, она ни минуты не сомневалась в своей готовности к покорению новых вершин. Ей ужасно надоел знакомый с детства дом, который, к тому же, наводил на нее печальные воспоминания об ушедшей из жизни матери. Несколько лет назад самый близкий человек Армы заболел весьма странной болезнью, вылечить которую провинциальные врачи не сумели. Главным виновником смерти своей матери девушка считала

эту ужасную «деревню», не способную обеспечить людям достойное существование. Переезд стал для нее делом принципа.

Она нисколько не колебалась, подписывая документы на продажу дома. Более того, в день, когда риэлтор с коварной улыбкой на лице сообщил ей, что покупатели перевели деньги, девушка устроила самую шумную вечеринку, которую только знал этот городок. Получив предложение работать в столице, Арма заплакала от счастья и, протерев портрет матери, она блаженно прошептала: «Наконец-то!».

Почему же теперь, когда до рейса осталось около двух часов и все, что отделяет ее от новой жизни лишь скорость медлительного таксиста, ей стало невыносимо грустно? Как вышло, что ненавистные стены неожиданно приобрели новые тона призрачного детства? Неужели Арма Геддон будет скучать по этому унылому двухэтажному зданию? Томно вздохнув, она присела на поскрипывающий диван, оставленный на растерзание новым хозяевам. Окинув взглядом просторную комнату, девушка поняла, что наряду с плохими воспоминаниями этот дом хранит и тысячу счастливых моментов: здесь, в центре зала, располагался огромный стол, за которым не раз собиралась вся семья Геддонов, а на втором этаже маленькая Арма засыпала в уютной розовой

кроватке под чарующий голос любимой матери. Мама... А ведь когда-то она ходила по этому полу! Хорошее было время...

— Значит, — неожиданно раздался странный, похожий на скрип, голос, — Вы все-таки уезжаете?

Несколько лет проработав в местной газете, Арма, как никто другой, знала темную сущность этого городка. Из-под ее пера не раз выходили ужасающие статьи, главными героями которых становились очевидцы краж, жертвы мошенничества. В этом Богом забытом месте люди попросту не могли найти достойную работу. Превращаясь в озлобленных обитателей захолустья, они пускались во все тяжкие, находя в этом тусклый лучик надежды на лучшую жизнь. Люди учились выживать по-звериному, а этот город... Охотно поощрял низменные проявления своих обитателей. Изучая «тонны» информации о местных преступниках, Арма никогда не представляла себя на месте потерпевших. Ей казалось, будто бы вокруг нее возведена стена, защищающая скромную девушку от любого воздействия извне. Однако услышав этот странный голос позади себя в день переезда, Геддон не на шутку перепугалась. Видимо, пришел ее черед стать частью журналистской заметки...

— Уйдите! — Закричала она, спрятавшись за диваном. — У меня нет денег! Я все потратила на

переезд! Я... Я вызову полицию!

— Арма, прошу Вас, — снова донесся голос, — я не вор, не убийца! Я Ваш...

— Я Вам не верю! — Дрожащим голосом ответила девушка. — Я написала много статей...

— Арма, послушайте...

— Про таких, как Вы! Вы ведь не перед чем не остановитесь, да? Вам главное отобрать все, что у меня есть, потому что не можете заработать по-другому...

— Меня не интересуют Ваши деньги...
Поверьте.

— На переезд! Тоже хочется ощутить полноту жизни? Не за мой счет, пожалуйста! Если Вы не уберетесь, я вызову полицию! Звоню на счет три! Раз...

— Арма, не нужно никого вызывать!

— Два! — Ее палец угрожающе приближался к зеленой кнопке мобильного телефона.

— Арма! Я не хочу навредить Вам!

— Три!

Неожиданно девушка почувствовала, как кто-то схватил ее за ногу. Приготовившись нанести удар, она опустила голову, но... Увидела лишь занавеску, обвивающую ее щиколотки. С каждой секундой изумрудно-зеленая ткань подкрадывалась все ближе и ближе к поясу. Арма попыталась закричать, но тут же была прервана резким

движением ковра, напористо закрывшего юной журналистке рот. Истошно мыча и дергаясь, Геддон поняла, что столкнулась вовсе не с преступниками, а с чем-то странным и непонятным.

— Арма! Простите меня, — продолжал голос, — Вы не оставили мне выбора! Прошу Вас, успокойтесь! Никто не собирается отбирать Ваши деньги или... Жизнь. Просто... Мне нужно поговорить с Вами. В конце концов, я Ваш... Дом.

Девушка продолжала тщетные попытки вырваться из объятий ожившей ткани. Перспектива смерти от сверхъестественного существа не казалась ей более радужной, чем несколько ударов по голове от отчаявшихся грабителей. Продолжая извиваться и дергаться, она отчаянно боролась за жизнь. За жизнь вдали от этого города...

— Вы как всегда упрямы. Это в Вас с детства! Но, Арма! Разве Вы не узнаете мой голос? Это ведь не первая наша беседа... Я так часто пытался с Вами поговорить. Жалко, что Вы были, все время заняты... А может, Вам просто не хотелось меня слышать? Что скажете, малышка Арма?

Не в силах сопротивляться таинственному существу, она прекратила неловкие попытки отстоять существование. Однако объятия не усиливались: злобные занавески не пытались подобраться к ее горлу, а ковер и вовсе ослабил свою хватку. Нехотя прислушавшись к

загадочному голосу, девушка услышала в нем знакомые нотки: скрип полов, звон труб и даже шум металлической черепицы переплетались в единую мелодию, создавая образ с детства знакомого здания. Неужели она и вправду слышит голос своего... Дома?

— Вижу Вы... Пришли в себя. — Стучали окна. — Я не хотел Вас напугать, клянусь! Я взволнован не меньше Вашего! Простите, если...

— Все нормально. — Ответила она, вытирая слезы. — Все хорошо... Все в полном порядке...

— Тише, Арма. Тише. — Занавески вновь коснулись ее плеч, однако, в этот раз без лишнего напора. Так нежно, так... По-отцовски. — Сделать Вам чая? Кажется, на кухне осталось... Ах, Вы все забрали с собой... Простите.

— Так. — Она бесцеремонно прервала собеседника. — Что... Что тебе нужно? К чему... К чему все это?

— Я... Ваш дед построил меня. Я видел... Как растет Ваша семья. Помогал Вам... Последние шестьдесят лет... Чем мог... И теперь... Не знаю. Просто хочу попрощаться с Вами.

Арма, все еще не понимая происходящего, попыталась встать. Ноги продолжали предательски дрожать, а диван, находящийся в нескольких шагах от нее, в мгновение ока превратился в нечто далекое и недостижимое. Неожиданно позади нее